

Рудольф Штайнер
Из GA 169, цикл 43
Мировые Существа и Я

1 лекция
Знамена непреходящести Я

Берлин, 6 июнь 1916 года

Мои милые друзья!
Прежде всего вспомним тех, кто стоит на полях исторического события.

Духи ваших душ, действенные стражи!
Ваши веяния пусть принесут
Наших душ молящую любовь
Людям земли, вверенным вашему попечению,
Чтобы, соединяясь с вашей силой,
Наша мольба, помогая, излучалась
Душам, которых она ищет любя!

Обратимся также к душам тех, кто, вследствие этих событий, уже перешли через Врата Смерть. И Дух, к Которому мы стремимся путем нашего духовного познания, Дух, прошедший через Мистерию Голгофы ради исцеления Земли, ради свободы и эволюции всего человечества, пусть будет Он с нами и с нашими тяжелыми обязанностями.

Мои милые друзья! Вести рассмотрения Троицинного дня в обычно смысле, как мы это делали раньше, кажется мне - в это трагическое время - не совсем уместным; т.к. мы живем в тяжелое время испытаний и невозможно сейчас искать только тех чувств, которые поднимают нас, согревают наши души. Если, в сущности говоря, мы правильно, истинно чувствуем наше время, мы ни на один момент не можем забыть больших страданий и боли нашего времени. В известном смысле было бы даже эгоистично хотеть забыть эти страдания и боль и согревающие наши души.

Поэтому сейчас более подходит говорить о том, что может послужить нашему времени, послужить так, как мы это видели как раз из многих рассмотрений, прочитанных здесь в последнее время. В духовном постижении должны быть найдены многие из причин, что мы живем в такое тяжелое время, и необходимо подумать о том, чтобы мы работали соответственно нашему времени над развитием человеческой души, чтобы человечество могло идти навстречу лучшим временам. Но все же я хотел бы исходить из тех мыслей, которые могли бы направить наши чувства к тому, что связано с таким праздником, как праздник Троицы.

Есть, мои дорогие друзья, три значительных праздника в течении года: Рождество, Пасха и Троица. И если мы не так, как большинство современников притупили свои чувства к тому, что из чувства человеческого и мирового развития связывалось с такими праздниками, то мы почувствуем огромное различие этих трех праздников. И различные ощущение этих трех праздников выражены во внешней символике празднования их. Мы видим, что Рождество, как праздник, является прежде всего радостью для детей: праздник, когда в наше время, хотя и не всегда, играет роль елка из снежной замершей природы, принесенная в дом. И мы вспомним при этом рождественские игры, неоднократно проводившиеся в нашем кругу, которые на протяжении столетий возвышали в это время простые человеческие души,

когда их чувства были направлены к Величайшему, к Тому, Кто однажды в течении развития Земли родился в Вифлееме – к Иисусу из Назарета. Рождение Иисуса из Назарета – праздник, к которому примыкает известным образом естественно мир чувств, вытекающий из Евангелия от Луки, из той части Евангелия, которая наилегчайшим образом понятна каждому народу. Итак, понятный всему человечеству праздник Рождества, понятный до известной степени детям, понятный человеку, сохранившему в себе детское чувство, и тем не менее способный внести в это детское чувство Величайшее Непостижимое, что мы таким путем принимаем в наше сознание. Несмотря на то, что Пасха празднуется в момент пробуждения весны, она ведет нас к порогу смерти. Праздник Пасхи по сравнению с Рождеством может быть так охарактеризован: Рождество несет в себе много сердечного, всеобъемлющим образом говорящего человеческому чувству, сердцу. Праздник же Пасхи заключает в себе нечто бесконечно возвышенное. Нечто невероятно великое должно пройти через человеческую душу, если она хочет правильным образом праздновать Пасху. Мы здесь подходим к величественной идее, что Божественное Существо спустилось на Землю, воплотилось в человеческое тело и прошло через смерть. Вся загадка смерти и сохранения вечной жизни души в смерти – все это возвышенное входит в наши души благодаря празднику Пасхи. Мы глубоко можем почувствовать эти праздники, если вспомним о том, что мы узнаем из духовной науки.

Подумайте только, как тесно связан праздник Рождества вообще со всеми представлениями о рождении в мире божественных существ, например с праздником Митры, родившегося в ущелье скалы, все это показывает нам тесную связь с природой.

Это праздник, известным образом связанный с природой, что и символизируется рождественской елкой (и рождение вообще приводит нас к представлению о непосредственно природном), но это праздник Рождения Иисуса из Назарета – рождения, с которым столь многое связано для нас из духовной науки и которое несет в себе так много именно духовного.

Вспомните, как мы часто уже говорили, что Дух Земли собственно бодрствует в зимнее время, это он наиболее деятелен в то время, когда внешняя природа спит и кажется замерзшей. Мы можем сказать себе, что Рождество приводит нас к элементарной природе, и когда зажигаются рождественские свечи, это должно быть для нас символом того, что дух бодрствует в зимнее темное время, Дух Природы. Если мы хотим поставить человека в связь с праздником Рождества, то мы должны сказать, что мы можем это сделать – потому, что знаем, чем собственно человек связан с природой, даже тогда, когда он духовно – как например во сне, отделен от природы, когда он духовно своим **Я** и своим астральным телом находится в духовном мире. Его эфирное тело как духовное, остается связанным с физическим телом и эфирное тело представляет собой как раз то, что в нем имеется от элементарной природы, элементарное, оживающее в недрах Земли, когда она скована льдом. Выражают глубокую истину мои дорогие друзья, когда говорят: наряду со всем прочим, о чем мы уже говорили, в Рождестве заключена также мысль о том, что человек имеет эфирную элементарную природу, эфирное тело, которым он связан с элементарной природой.

Если вы вспомните все то, мои дорогие друзья, что было уже высказано в течение многих лет о постепенном оскудении и убывании человеческих сил, то вы придете к мысли, как близко в сущности говоря, стоят все те силы, живущие в нашем астральном теле, к тому, чем является для человека темные, смертоносные события. Благодаря тому, что мы должны в течении нашей жизни совершенствовать наше астральное тело, чтобы мы смогли принять в него духовное, мы вносим в него зародыш смерти. Совершенно неправильно думать, что смерть связана с жизнью только внешним образом, нет, они связаны внутренним образом – о чем уже много раз говорили и мы в

наших кругах. И наша жизнь, какова она есть, только потому такая, что мы можем умирать так, как мы умираем. И это связано для человека со всем развитием его астрального тела. И это больше, чем сравнение, когда говорят: праздник Пасхи – символ всего того, что связано с астральной природой человека, с той природой, благодаря которой он всегда во время сна покидает физическое тело и входит в духовный мир, из которого спустилось то Божественно-духовное Существо, Которое в Иисусе из Назарета Само претерпело смерть. Если бы об этом говорилось в другие времена, когда чувство духовного было более живым, чем сейчас, тогда, мои дорогие друзья, то, что и только что сказал, было бы принято как более чем действительность – в то время как теперь это принимается только как символ. Итак, можно видеть в установлении праздников Рождества и Пасхи знаки, напоминающие человеку о том, как он связан с элементарной, духовной и физической, приносящей смерть природой – если это знаки, напоминающие о том, что человек несет в своем эфирном и астральном теле духовное. Только все это забыто в наши дни. Но это опять войдет в силу, если человечество решится добыть себе познание об этих духовных вещах.

Мы несем в себе как духовное, кроме эфирного и астрального тела прежде всего наше «Я». Мы знаем сложную природу нашего «Я», мы знаем, что «Я» переходит из одной инкарнации в другую, как внутренние силы этого «Я» проявляются в образовании и построении того, что мы приносим с собой в каждую новую инкарнацию. В этом «Я» мы восстаем из каждой смерти заново, чтобы приготовить следующую инкарнацию. Из этого «Я» становимся мы индивидуальными существами. Это «Я» делает нас индивидуальным существом. Можно сказать, что наше эфирное тело представляет собой в известном смысле нечто рождающееся, что связано с элементарными силами природы; что наше астральное тело, связанное с высшим духовным, символизирует нечто, несущее смерть, и что наше «Я» представляет собой наше постоянное, повторяющееся в духовном, наше вновь оживающее в духовном, во всем духовном мире, который есть не природа, не мир звезд, но то, что наполняет и пронизывает. И так же, как Рождество связывает с эфирным телом, Пасху – с астральным телом, так праздник Троицы связывает с «Я», это праздник, представляющий собой непреходящее нашего «Я». Троица – знак вечности нашего «Я», знак того, что мы как люди сопереживаем не только обычную жизнь природы, не только проходим через смерть, но что мы, как люди, суть бессмертное, все вновь восстающее рождающееся индивидуальное существо! Как прекрасно, в каком широком образе даны идеи Рождества, Пасхи и Троицы. Подумайте: Рождество стоит перед нами в непосредственной связи с событиями Земли; оно непосредственно примыкает к повороту зимнего солнца, ко времени, когда Земля окружена глубоким мраком. Закономерность земного бытия исходит из времени, когда ночи длиннее, а дни короче, когда Земля скована льдом, тогда уходят в себя и пытаются пробудить духовное, поскольку мы живем на Земле. Итак, Рождество – праздник, связывающий с Духом Земли. В Рождественское время мы все вновь и вновь вспоминаем, что мы как люди Земли, принадлежим Земле, что Божественный Дух спустился из высших миров на Землю, чтобы принять земной образ и жить в земном образе среди земных людей.

Другое встает перед нами, мои дорогие друзья, в праздник Пасхи. Пасха связана с отношением Солнца к Луне, в первое воскресение после весеннего полнолуния, которое наступает после весеннего равноденствия. Итак, день Пасхи определяется взаимоположением Солнца и Луны.

Мы видим, каким чудесным образом Рождество связывает нас с земным, а Пасха – с космическим. На Рождество мы вспоминаем самое святое, связанное с Землей, а на Пасху – самое святое связанное с небом.

Удивительным образом Христова Троица связана с мыслью о том, что можно сказать – выше мира звезд. Вселенский Огонь, Который индивидуализировался и спустился на Апостолов в виде «огненных языков».

Огонь не только небесный, не только земной, не только космический, не только божественный, Огонь, Который все пронизывает, Огонь, Который в то же время индивидуализируется и входит в каждого человека. Со всем миром связан праздник Троицы. Как Рождество – с Землей, Пасха с миром звезд, так Троица касается непосредственно человека, поскольку он воспринимает искру божественной жизни из всего мира. Мы видим, что дано человечеству тем фактом, что Богочеловек спустился на Землю, чтобы зажечь в каждом отдельном человеке искру из пламени Божественной Троицы. В «огненных языках» выражено то, что живет во Вселенной, в звездах, в человеке.

Для того, кто стремится к духовному, Пятидесятница имеет особенно глубокое значение, так как она все вновь и вновь побуждает человека стремиться искать духовное. Я хотел бы сказать: в наше время необходимо мысли о Пятидесятнице, принять глубже, чем в другое обычное время. Многие будут зависеть от того, насколько глубоко мы сможем принять в себя эти мысли – каким образом мы выйдем из этих тяжелых убийственных событий нашего времени. Уже теперь чувствуют некоторые, как необходимо изменить наши души, и я хотел бы сказать, что как раз тот, кто подошел к Духовной Науке, должен бы в сильной степени почувствовать эту необходимость нашего времени, которую можно выразить как необходимость вновь оживить нашу жизнь духом, поднимаясь над материализмом. А из материализма можно выйти только тогда, когда имеется **добрая воля** развить в себе духовную жизнь, известным образом внутренне пережить Пятидесятницу, внутренне принять ее в себя.

В последних рассматриваниях мы видели, как трудно человеку в современном состоянии развития найти правильное отношение в этой области. С одной стороны, мы видели развитие таких сил, что мы не можем не удивляться им. Но когда встает необходимость почувствовать духовное, то нужно, чтобы душа могла внутренне излить дань Пятидесятнице и не забывать этого. В настоящее время трудно людям, не вам мои дорогие друзья – вы много лет участвуете в подобных рассматриваниях духовного – но другие легко могут увидеть в наших последних рассматриваниях только брюзжание и критиканство. Мне кажется, что этого нет – наоборот, мне кажется крайне необходимо указать на такие вещи именно так, как это было сделано в последних рассматриваниях, чтобы знали, где как раз можно духовно вмешаться в ход развития человечества. Я хотел бы сказать, что некоторые уже видят, к чему ведет наше время. В Мюнхене в издании «Форум» появилась интересная брошюра внука Шиллера, Александра Глейхен-Русвурм, под названием «Культура Суеверий». При чтении этой брошюры я вспомнил о многом, о чем вынужден был говорить вам здесь. Я был вынужден говорить вам о том, что Духовная Наука не должна оставаться только теорией, но должна вливаться в нашу душу и оживлять нашу мышление так, чтобы оно стало подвижным, благоразумным, чтобы оно могло проникать в задачи нашей современности. Позвольте мне прочесть несколько предложений из этой брошюры «Культура Суеверий», где говорится об оживлении мышления, о необходимости оживлять мышление. Он говорит: «Мы все несем на себя часть трагической вины в этой страшной Трагедии, потому что мы в Европе, несмотря на культуру, все больше и больше теряем способность образовывать самостоятельное мышление.

Великие умы человечества напрасно добывали для тебя свободу мышления. Ты вялый, расслабленный, ты все больше деградируешь и становишься мертвым: Рабски повторяем мы болтовню – наше мышление связано, расслаблено и мертво.

На все у нас было время: на удовольствия, на почести, а на подлинное мышление времени не было. Даже здесь (заметьте, это говорю я, а не внук Шиллера) – в единственной стране мыслей, мышление было высоким чужестранцем, редким и неприятным гостем.

Чтение и письмо нам не нужны, они вредят только, если мы не умеем мыслить.

В последнее время было сделано все, чтобы разучиться мыслить. Наше восприятие, искусство, отдых, работа, общение, путешествие, домашний быт – все благоприятствовало тому, чтобы отвыкнуть мыслить.

Но настоящая культура должна прежде всего учиться мыслить.

В последнее время было сделано все, чтобы разучиться мыслить. Наше восприятие, искусство, отдых, работа, общение, путешествие, домашний быт – все благоприятствовало тому, чтобы отвыкнуть мыслить.

Но настоящая культура должна прежде всего учиться мыслить, так как только чувств и инстинктов недостаточно для того, чтобы сделать выносимой совместную жизнь людей и народов.

Для этого необходимо здоровое понимание политики. – Оглядываясь назад внук Шиллера прослеживает то, как мы разучились мыслить. Он говорит: «Начиная с Венского конгресса в 1815 г. Народы приложили немало усилий, чтобы жить в мире друг с другом. Бесчисленные договоры и всевозможные попытки свидетельствуют об этом. Надеялись, думали путем конституций и выборных прав добиться действительного участия в правлении и таким образом самим определить свою судьбу; но без умения ничего нельзя сделать». Он говорит это, замечательным образом раскрывая перед нами современность, о которой мы должны постоянно думать и ни на один момент не забывать об этом. – «Нет – говорит Глейхен-Русвурм – мы не далеко ушли от того времени, когда станет действительностью то, что сочиняя воспаленный мозг поэтов, от той, не имеющей названия неразберихи, более фантастичной, чем время переселения народов. Сенегальские негры убивают наших поэтов, художники чистят лошадей, профессора пасут овец(здесь нечему смеяться); Театральные директора телеграммами передают приказы о смерти, благочестивые индусы стараются достойно, согласно их ритуалу, умереть на полях сражения. Художественные здания превращаются в развалины, поднимаются землянки, достойные пещерных жителей. Миллионер голодает и борется с паразитами, в то время как нищий сидит в старом замке за покинутым роскошным столом. Сомнительные люди реабилитированы, а безобидные люди томятся в тюрьмах и там умирают».

Это в известной степени то, что побудило внука Шиллера поднять вопрос о необходимости оживления мышления. Но в его брошюре, а так же и в других его сочинениях, я не мог найти правильного источника для оживления мышления.

Да, мои дорогие друзья, это не так легко в настоящее время – пережить в душе Пятидесятницу. Это действительно не так легко в настоящее время. Здесь у меня книга одного человека, который в последнее время честно приложил усилия к тому, чтобы понять Гёте.

Поскольку это было в его возможностях, можно найти также честные усилия, направленные к тому, чтобы познакомиться с нашей Духовной Наукой – поскольку, как сказано, он приложил усилия к пониманию Гёте, он чрезвычайно рад теперь, что начал понимать Гёте. Как раз этот человек – это очень характеризует трудности для человека, желающего подойти к духовной жизни – да, этот человек написал 9 романов, 14 драм, 9 книг-очерков и теперь говорит он в последней книге, которая является десятой книгой очерков, что он рад, что наконец подошел к Гёте и постарался его понять; и из этой книги видно, что он все усилия приложил к пониманию Гёте.

Но, вы подумайте только, что все это значит, что человек, написавший столько романов, столько пьес, очень известный человек, теперь в свои 50 лет признается, что он пришел некоторым образом к пониманию Гёте. Это значительный факт. Эта последняя книга называется «Экспрессионизм». Человек, написавший ее – Герман Бар; а Герман Бар есть тот человек, который прилагает все усилия, чтобы войти в сочинения Гёте.

Его пьесы не раз ставились; только от более ранних он отрекается. Мне не трудно говорить об этом человеке по той простой причине, что я знаю его со студенческих лет и потому, что очень хорошо знал его раньше. Видите ли, этот человек писал, собственно, обо всем и некоторые вещи хорошо написал. Он себе говорит: он был всю жизнь импрессионистом, потому что он родился в эпоху импрессионизма. Ну, поясним в двух словах, что такое импрессионизм. Мы сейчас не будем спорить о вопросах искусства, но выясним, **что** такие люди, как Герман Бар, думают об импрессионизме. Если мы обратимся к искусству Гёте, то Гёте видит прежде всего Великое; так же Шиллер, Шекспир, Корнель, Расин, Данте – они видят главное в своем искусстве то, что воспринимают внешний мир, и затем духовно его перерабатывают. **Внешне воспринятое соединяется в искусстве с тем, что живет в духовном.** Произведения, в которых не видно соединения духовного с природным(духа с природой), Гёте не считая искусством. Но в последнее время появится импрессионизм; и Герман Бар вырос с импрессионизмом и был сам, как он себя сознает, импрессионистом во всем. Когда он разбирает картины(он много книг написал о живописи) – он смотрит на них с точки зрения импрессионизма. Когда он сам о них, пишет, он хочет быть импрессионистом. Так что же понимает такой человек в искусстве под импрессионизм? Импрессионизм – такое искусство, где ничего нельзя прибавить из души к внешним впечатлениям, которые получают от природы. Да, ничего не вносят душевного. Но тогда вообще не может быть музыки; но музыку он, правда, исключает. Но архитектуры так же не может быть. Следовательно, музыка и архитектура не могут быть импрессионистичны. Но в живописи и поэзии это возможно. Итак в импрессионизме исключается все душевное. Поэтому импрессионист пытается какой-либо образ изобразить в том моменте, когда он еще недостаточно увиден, когда впечатление еще не прошло сквозь душевное восприятие.

Как говорят – посмотрел и тут же закрепил, ничего не прибавляя от своего душевного к образу. Импрессионизм, конечно, понимается различным образом, но существенное в этом.

Герман Бар человек – как говорили об этом в Берлине на одной открытой лекции – который всегда с большим энтузиазмом защищает то, что он считает правильным – именно в данный момент. Когда Герман Бар поступил в высшую венскую школу, он был сильно захвачен социализмом, носился с ним, был пламеннейшим социал-демократом, какого можно только себе представить. Одна из его драм «Новые люди» написана им в эпоху увлечений социализмом (думаю, что сейчас ее нельзя достать). В ней речи, бесконечно социал-демократические, произносимые персонажами драмы, но это – несценично, вообще этого нельзя сыграть. Потом в вене начало развиваться немецкое национальное движение и Герман Бар стал пламенным националистом и написал труд «Великие греки» (он также забыт). После увлечения социализмом и национализмом, во время призыва в Австрии, он стал солдатом. Один год он был верным солдатом-добровольцем и усвоил солдатское мировоззрение. Затем короткое время провел в Берлине, но не стал поклонником Берлина. Этим он не страдал. Затем он уехал в Париж и стал горячим почитателем Мориса Баре и подобных ему людей. Стал буланистом – Буланже в то время играл большую роль. Я не могу привести все, не могу передать, какие восторженные письма писал он из Парижа, увлеченный Буланже. Потом он уехал в Испанию и был восхищен испанской культурой так сильно, что написал статью против марокканского султана и той подлости, которую он допускает по отношению к испанской политике. Потом он опять вернулся в Берлин и некоторое время был редактором «Свободной...», но поклонником Берлина все же не стал. Затем одно за другим делал открытия в различных сферах жизни Австрии! Ах, извините, он был в Петербурге и написал книгу о России и стал пламенным русским. Это было между пребыванием в Берлине и Австрии, а потом уже, после

Петербурга, он вернулся в Австрию и раскрыл жизнь Австрии в различных партиях, во всех слоях культуры и т.д. всегда он воодушевлен, иногда одухотворен. И действительно, его всегда вдохновляет то, что он видит, но духовно дальше ничего не прорабатывает, отмечает только первое впечатление. Ну подумайте, хорошо ли жить только первым впечатлением. Социалист - и ничего дальше, немецкий националист - ничего дальше, буланист - ничего дальше. Как только первое впечатление русский, испанец и т.д. А теперь занят различными сферами австрийского государства! Чрезвычайно интересное явление в нашей духовной жизни. В этом нет сомнений! Подумайте, ему теперь 50 лет, и вдруг, неожиданно возникает экспрессионизм - противоположность импрессионизму.

Герман Бар в течении многих лет выступал в Данциге. Он проезжает всегда через Берлин. Он любит жителей Данцига и утверждает, что когда он говорит перед ними, то они вызывают в нем особенные духовные мысли, чего он, собственно, ни в каком другом городе Германии не чувствовал, кроме как только в Данциге. Так был он приглашен - ну конечно жителями Данцига - прочитать лекцию об экспрессионизме. Но он был всю жизнь импрессионистом! Ну, не правда ли, нужно только представить себе, что это значило для Германа Бара. Ведь он всю жизнь был импрессионистом. Теперь вдруг появляется экспрессионизм. Когда он был совсем юным и начал становиться импрессионистом, тогда были люди, которые ни в кой мере не восторгались импрессионистическими картинками; но все это филистеры - само собой понятно, и другие - видели в этих картинках только пачкотню, понятно(в отношении многих вещей это правильно - об этом мы не будем теперь, как сказано, спорить). Но Герман Бар «горел», и тот, кто порицал такие картины, в его глазах был ослом и бараном, человеком, признающим только старое и не умеющим понимать передовое искусство. Да, такие слова многие слышали о Германа Бара. В Вене было кафе «Грененштейлль», где всегда велись разговоры об импрессионизме. Оно больше уже не существует; находилось оно возле старого малого городского театра, на площади Михаила. Тогда многих интересовал импрессионизм, но в этом же кафе можно было многое услышать о появлении экспрессионизма. Ну, конечно, Герман Бар много говорил об импрессионизме, так как, это красной нитью проходило через все его превращения. Теперь он сам стал старше. Пришли экспрессионисты, кубисты, футуристы. Дело повернулось так, что теперь стали говорить: импрессионисты такого сорта, как Герман Бар - пустые головы, которые признают только старое. Герман Бар находит, что в сущности говоря, прежнее явление повторяется; то же самое было и при импрессионизме; но его сердило это и он говорил себе: в юности я так же поступал и так же других называл баранными головами - и теперь я сам кажусь бараньей головой. Не правда ли скверная история. Тут естественно не было никакого другого средства, так как, Герман Бар был приглашен в Данциг, который он так любил - для доклада об экспрессионизме. Здесь дело идет о том, чтобы найти формулировку для экспрессионизма, найти правильную формулировку. Действительно Герман Бар - чрезвычайно интересное явления в нашей духовной жизни! В этом нет никакого сомнения!

Теперь для него дело было в том, чтобы справиться с экспрессионизмом. Ему стукнуло теперь 50 лет; и в 50 лет быть для следующего поколения «ослиной головой»! С этим не мог примирится такой деятельный человек, как Герман Бар и перед ним встала задача справиться с экспрессионизмом, тем более, что он должен был читать об этом перед жителями Данцига, внушающим ему прекрасные мысли!

Вы вероятно видели картины экспрессионистов, кубистов и футуристов. Многие говорили, что они терпеливо все просмотрели, но больше туда не пойдут. Представьте себе полотно: на нем штрихи - белые сверху вниз, красные штрихи - поперек и что-то внутри их, что не хочешь, или ничего. Понятно, Герман Бар не мог высказать такое мнение. И он сказал себе - так

как он был мудрствующим человеком, и вследствие стольких метаморфоз – становился им все больше. Импрессионисты брали природу и фиксировали первое впечатление, не перерабатывая его. Экспрессионисты – нечто противоположное. Герман Бар их уже понял. Они вообще не смотрят на природу!(Да, с этим я охотно соглашаюсь. Они вообще ничего не видят в природе и видят только внутреннее). Они видят внутренне ... Это значит: то, что существует во вне – дом ли, река ли, слон или лев – это не интересует экспрессиониста, так как он смотрит на внутреннее. Итак, Герман Бар сказал себе: если можно видеть внутреннее, значит существует внутреннее зрение. И что же он делает? Он обращается к Гёте! Вычитывает у Гёте всевозможные мысли, как например, следующую: Гёте говорит: «Я могу, когда закрываю глаза и опускаю голову, представить себе в моем внутреннем зрительном органе цветок; тогда он ни на один момент не сохраняет свой первый закрепленный образ, а как бы распадается и из внутреннего раскрывается опять новый цветок из красочных лепестков и зеленых листьев, но это не обычный естественный цветок, а фантастический, но все же закономерный, как розетки скульптуры».

Гете мог это делать: он закрывал глаза, представил себе цветок, он вставал перед ним как духовный образ, и затем изменился из самого себя. «Невозможно было зафиксировать возникающее творение, хотя длилось это так долго, как я этого хотел, оно не тускнело и не затвердевало. То же самое я могу вызвать, если представлю себе вертящееся колесо с пестро раскрашенной каймой, которое точно так же все время изменяется от центра к периферии, как это бывает в открытом калейдоскопе».

Перед ним является образ, возникший как бы из воспоминания; является как бы в игре и проявляют себя в полнейшей свободе, не направляемые заведомо извне, но через собственную внутреннюю жизнь органа.

Но видите ли, без знакомства с Гёте, с мировоззрением новейшего идеализма и спиритуализма, невозможно ничего связать с экспрессионизмом, тогда Герман Бар обращается к литературе. Таким образом, он наталкивается на книгу, написанную англичанином Гальтоном, где собраны всевозможные статистические данные о людях, которые видят внутреннее так же, как видит Гёте, что вытекает из его собственного описания.

Гальтон рассказывает, как один человек мог вызвать в имажинации образ, затем дать этому образу свободно измениться и по своей воле вернуть ему его прежний вид. Это у него очень хорошо описано. Герман Бар продолжает интересоваться этим и постепенно приходит к заключению, что существует внутреннее видение. Вы знаете: то, что (это) описывает Гёте(но Гёте знал и другое) – есть самое первое начало внутренней подвижности эфирного тела. Герман Бар, чтобы понять экспрессионизм, начал заниматься этими элементарными вещами, так как он пришел к тому, что экспрессионизм строится на внутреннем видении элементарного рода.

Затем он читал физиолога Иоганна Миллера, прекрасно описавшего внутреннее видение в те времена, когда исследователи природы еще не смеялись над такими вещами. Итак, Герман Бар постепенно подошел к Гёте. Он испытывает чрезвычайное побуждение читать Гёте, начинает понимать его, и таким образом приходит к тому, что существует внутреннее видение. Ну теперь он понял экспрессионизм: здесь не нужна природа, а на полотно наносит то, что является первичным в элементарном видении. Я уже говорил о том, что этот образ превращается затем в другой. Если художники не видят в первом образе гениального исполнения, но только самое начало того, что должно прийти, то это будет правильнее, чем переоценивать себя.

Герман Бар, понимая это именно так, приходит к тому, чтобы с невероятным энтузиазмом сказать себе: «Да, существует не только внешнее видение, когда видят глазами – существует внутреннее видение – око. И очень

хороша та глава, где говорится о внутреннем видении. Он в совершенном восторге, что нашел у Гёте слово «духовное око» – от этого он в восторге.

Подумайте, как много лет мы произносили это слово. Я говорил уже, что он пытался подойти к тому, чем является наша Духовная Наука. Из его книги видно, что он до сих пор читают книгу Евгения Леви, где он излагает мое мировоззрение. К моим книгам, как видно он еще не подошел – но это еще может случиться. Во всяком случае видно, что человек пробивается через трудности современности и что он пришел к тому, чтобы признать самое элементарное. Я должен был это рассказать, мои дорогие друзья, потому что из этого видно, как правильно то, о чем я часто говорил: человеку современности чрезвычайно трудно из нашего современного образования прийти к духовному. Подумайте, человек написавший 10 романов, 14 пьес, и так много книг по исследованию, приходит наконец, к тому, чтобы читать Гёте, и тем самым – изменить себя.

В этой книге, так свежо написанной, видно, какую радость он пережил. Познакомившись с Гёте, я часто бывал вместе с Германом Бар – невозможно было говорить с ним о Гёте, так как, в то время Гёте был в его глазах, само собой понятно, «бараньей головой», потому что был другим человеком, не импрессионистического толка.

Все сказанное нужно было изложить вам, чтобы вы поняли, как трудно современному образованному человеку пробиться к элементарному, что приводит к Духовной Науке. И это как раз такие люди, в чьих руках находится общественное суждение. Когда Герман Бар приехал в Вену, он редактировал задающий тон еженедельный журнал «Время».

Если бы сейчас кто-нибудь стал утверждать, что многие люди, от мнения которых многое зависит, ничего не понимали в Гёте и поэтому в западном человечестве нет пути к Духовной Науке, исходя из их образования(к Духовной Науке можно прийти и без образования), то этому и не поверили бы. Но Герман Бар – живое доказательство этому, потому что он сам теперь, в 50 лет, признается, как он рад, что наконец понимает Гёте. Конечно, печально видеть, что человек рад, что наконец понял Гёте – что нашел то, что непосредственно уже найдено в его юные годы. В этом нечто трагическое, но в то же время нечто чрезвычайно поучительное, чрезвычайно значительное для понимания нашего времени. Это показывает нам, как так называемый «духовный мир», дающий тон современной жизни, живет в представлениях, которые совершенно удалены от всего истинно духовного. Такого человека, как Герман Бар, экспрессионизм заставил увидеть, как можно себе представить нечто, не обращаясь к природе и даже изображать это на полотне. Все это тесно связано с тем, каким образом в наше время появляются такие литераторы, художники и искусствоведы. Для этого характерен новый роман Германа Бара под названием «Вознесение».

В конце романа видно, что он начинает пылать энтузиазмом к католицизму. Этого в нем раньше не было. Кто знает Германа Бара, тот без сомнения увидит, что в описании Франца – героя романа – дано многое от самого Германа Бара. Это не автобиография и не биографический роман, но очень многое от Германа Бара в этом Франце.

Так показано, как развивается в настоящее время литератор, не автор газетных статей, конечно, но настоящий литератор, серьезный ищущий писатель, как Герман Бар.

В образе Франца проступают черты автора, он пробует испытать все, что может ему дать современность. Показаны его бесконечные увлечения. Он был ботаником у Васнера (знаменитый венский ботаник), химиком у Оствальда, эллинистом у Вилламовица, занимался философией у Конера, изучил национальную экономику в семинарии у Шоллера, изучил психоанализ у Фрейда, и когда все это его не удовлетворило, он отправился в Лондон к теософам. Проводил некоторое время эзотерические упражнения, но не долго занимался ими, так как, они не удовлетворяли его. И вот он приходит к одной

женщине – медиуму, которая много лет выступала с замечательными опытами, но затем ее разоблачают после того, как Франц влюбляется в нее. Он быстро уезжает, предоставив медиума своей судьбе. Она же становится, конечно(каждый теперь приносит дань времени), шпионкой. Ведь этот роман написан в самое последнее время.

Я хотел вам привести пример того, как трудно в настоящее время пробиться через все это к Духовной Науке и как перед тем, кто имеет ясное понимание о Духовной Науке, лежит ответственность, сделать все для того, чтобы рассеять всякие предубеждения, если мы знаем, из каких основ они возникают, и как теперь трудно, будучи честными искателями истины, приходиться к самым элементарным вещам после 50-летнего возраста. Мы должны сказать: мы понимаем, как трудно теперь пробиться людям к Духовной Науке. Простая душа приняла бы Духовную Науку, но она удерживается от этого представителями нашей духовной жизни, к мнению которых она, эта душа, прислушивается.

Я бы хотел сказать, мои дорогие друзья, что в настоящее время материалистическое мышление вошло в нашу кровь и плоть, люди не знают, что они выдумывают фантастические доказательства, строят фантастические теории. Я часто рассказывал вам, как знакомит теперь детей с канто-лапласовской теорией. Наглядно показывают им образование планет, путем вращения иглой большой капли жира, как отрываются маленькие капли от большой и говорят: вот то, что вы видите здесь, в малом, было и при возникновении Вселенной. Человек мог бы избежать такого доказательства только в том случае, если бы он продумал все факторы до конца и во Вселенной поставили бы учителя или профессора, который все это приводил бы в движение. Но об этом, как правило, забывают.

Герман Гримм говорит в своей книге о Гёте: «Еще в юные годы применялась канто-лапласовская фантазия (заметьте, Герман Гримм называет это фантазией) – о возникновении и о будущей гибели Земли. Из подвинутой в себе мировой туманности формируется центральная газовая капля, а из нее образуется Земля и как отвердевший мир проходит все фазы в необозримом пространстве, включая эпизоды появления на ней человеческого рода, чтобы, как сгоревший шлак, опять вернуться в Солнце; удивительный, но вполне понятный публике процесс, для осуществления которого не требуется никакого внешнего вмешательства, кроме усилий какой-то вносящей силы держать Солнце в одинаковой температуре горения. Не может быть никакой другой, более бесплодной перспективы для будущего, как та, которая будет навязана нам, как **научно необходимая**. Кость подали, которую обойдет господин пес, является свежейшим, аппетитным куском, по сравнению с этим экспериментом творения Вселенной, когда наша Земля снова соединится с Солнцем. Только жажда знания нашего поколения допускает принятое подобное явление, и признак большой фантазии пытается объяснить историческим феноменом времени. Ученые будущей эпохи не мало остроумия уделяют этому».

И действительно в будущем подумают, как это люди пришли к тому, чтобы такую вещь принимать за истину, которую теперь в школах преподают детям, именно как истину! «Никогда – говорит дальше Гримм – не допускал Гёте такой безнадежности, он вероятно воздержался бы выводить заключение школы Дарвина из того, что он сначала подслушал в природе и говорит об этом». ...

Вы знаете то, мои дорогие друзья, что из духовного понимания дарвинизма вытекает нечто совсем другое. Не против дарвинизма направлено то, о чем говорит Герман Гримм, но против материалистического толкования, которое действительно пришло к тому, что Герман Гримм назвал в устном докладе представлением, унижающим человеческое достоинство, что человек по прямой линии развития от низшего животного, через обезьяну, развился до человека. Мы знаем, не правда ли, какое одобрение вызвал Гексли, когда он

на возражение одного епископа, который привел все возможные основания против происхождения человека от обезьяны, ответил: что он предпочитает происходить от обезьяны и постепенно от этого состояния подняться до своего мировоззрения, чем утверждать то происхождение, которое развивает епископ – и прийти затем к своему мировоззрению. Да, он вызвал больше одобрения, этот Гексли. Такие случаи нередки; и мне вспомнился анекдот об одном мальчике, который в придя из школы, объяснил своему отцу: «Папа, сегодня мы учили в школе, что все люди произошли от обезьяны». – «Что? – сказал отец – ты в своем уме, глупый мальчик?!» «Да, да, папа, мы все приходим от обезьяны». – «Ну, ты ... может быть, а я нет!» - возразил отец.

Я часто обращал ваше внимание на логические ошибки, допускаемые в отношении действительного мышления, что и приводит к такому материалистическому толкованию взглядов Дарвина. В наше время во всем перегибается палка. Нет такой вещи, о которой все люди сказали бы, что здесь все достаточно ясно, нет, они все идут дальше, к большим уточнениям.

Я хотел бы вам рассказать об одном человеке, который приходил в бешенство от того, что существует философия, и что в мире так много философов, которые всегда заняты философией. Он ненавидел философов и страшно ругал их. И вот видите, этот человек, который так много ругал философов, хотел найти меткое выражение против них и он выразил это так – и хочу его вам привести, чтобы вы дословно познакомились с ним и увидели бы, что в настоящее время думают о философии, через которую люди хотят прийти к истине, благодаря которой многое разъясняется, что вы как раз увидите из моей книги, которая скоро появится. Этот человек говорил: «Нам так же нужна философия, как она нужна животному». Итак, этот человек не только утверждает наше происхождение от животного, но доказывает, что величайшее, к чему человечество стремилось в философии, действительно не поднимается выше животного, так как, нельзя знать больше того, что знает животное. Он это думает совершенно серьезно: нельзя знать больше чем животное. «Нам так же нужна философия, как она нужна животному», и только безумные попытки прийти путем философии к истине и окончательному выводу, что мы ничего не знаем – отличает нас от животного! Итак, только то, что мы понимаем это – что мы, как скотина, ничего не знаем – только это отличает нас от животного. Мы знаем только то, что мы животное; и это отличает нас от животного. И вся история зачеркнута этим человеком, когда он пытается доказать, что все, чем занимается философия, есть безумная попытка не признать такую простую истину – что знают о мире не больше, чем животное – безумные попытки! Вы спросите, мои дорогие друзья, кто же может иметь такой странный взгляд на философию? Я думаю, вас может вероятно интересовать, у кого такое невероятное отношение к философии? Видите ли, тот, у кого такое мнение о философии, является **профессором философии** в Черновицком университете – профессор Философии в университете в Черновице! Этот человек много лет тому назад написал книгу: «Конец Философии - Конец мышлению»; и теперь написал книгу: «Трагикомедия философии, трагикомедия мудрости» - в таких выражениях, какие я вам прочитал. Да, этот человек занимает значительное место профессора философии в университете, убеждал внимающих ему слушателей в том, что человек знает не больше животного. Это Рихард Баале, доктор, ординарный профессор Философии в Черновицком университете.

Очень хорошо, не правда ли, обратить внимание на такие вещи, так как, это показывает нам, как далеко мы ушли. Нужно, как было сказано, серьезно отнестись к жизненной необходимости. Эта необходимость жизни заключается в том, что действительно настало время, когда человечество должно решиться серьезнее принять Пятидесятницу, зажечь свет в душе принять в себя духовное. Много, много, мои дорогие друзья, будет зависеть от того, что существует в мире некоторые люди, которые понимают, как в наше время может и должна праздноваться Пятидесятница.

Я здесь пробуду до тех пор, пока не будет готова моя книга, так что возможно мы опять встретимся через восемь дней.